

Н.Ю. Грибовская

Тверский государственный медицинский университет

НОМИНАЦИИ ЧЕЛОВЕКА ПО ОТНОШЕНИЮ К ПИЩЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ТВЕРСКИХ ГОВОРОВ)

Статья является попыткой реконструкции фрагмента региональной языковой картины мира, связанной с отношением человека к пище. Лексика исследуемой семантической сферы характеризует человека по таким параметрам, как способ потребления пищи, количество принимаемой пищи, вкусовые пристрастия. Семантико-мотивационный анализ показывает, что зафиксированные в языке особенности пищевого поведения человека воспринимаются как нарушение этических и социальных норм.

Диалектология, говоры, региональная языковая картина мира, образ человека в языке.

Несмотря на многочисленность исследований, посвященных образу человека в диалектной картине мира, эта тема продолжает оставаться актуальной. К диалектному слову как к источнику культурологической информации о человеке обращаются диалектологи Т.И. Вендина, Е.Л. Березович, Т.В. Леонтьева и др. Диалектный материал, собранный на территории Тверской области, позволит выявить народные представления о человеке, присущие региональной языковой картине мира. Некоторые качества человека (характеристика по внешности, гордости, упрямству, по отношению к собственности), запечатленные в лексике тверских говоров, уже рассматривались раньше [4; 5; 6]. В данной статье мы попытаемся реконструировать фрагмент региональной языковой картины мира, связанный с отношением человека к пище.

Материалом для анализа стала лексика тверских говоров, вошедшая в «Тематический словарь говоров Тверской области», пять выпусков которого были подготовлены и изданы с 2002 по 2006 годы, диалектная лексика, собранная в районе бассейна озера Селигер и отраженная в словаре «Селигер: Материалы по русской диалектологии», а также лексика из картотеки говоров Тверской области, хранящейся на кафедре русского языка Тверского государственного университета.

Лексико-семантическое поле «Характеристика человека по отношению к пище» в тверских говорах является достаточно объемным. 99 лексических единиц номинируют человека по таким параметрам, как способ потребления пищи, количество принимаемой пищи, вкусовые пристрастия.

При характеристике человека по способу приема пищи имеет значимость скорость ее потребления. 10 лексических единиц (все субстантивы) номинируют человека, который ест слишком медленно или слишком быстро. *Меже́док* – ‘тот, кто медленно ест’ (ТСГТО, вып. 4, с. 71), *мя́мля* – ‘медленно, лениво пережевывающий пищу’ (Там же, с. 15), *рассу́лай* – ‘медленно пьющий, неловкий человек’ (Там же, с. 23), *зуба́рь, зубáстик и ва́рызгало/а* – ‘тот, кто скоро ест’

(КГТО), *лохте́ря* – ‘тот, кто жадно, быстро уплетает пищу’ (КГТО). Быстрый и медленный прием пищи одинаково осознаются как отклонение от нормы. Многозначные лексемы и лексемы с диффузным значением образуют зоны пересечения с микрополями, характеризующими человека по особенностям моторики (неловкого, медлительного) и отношению к труду (ленивого), свидетельствуя о смежности соответствующих понятий в народном представлении.

Также фиксируется в языке нарушение режима питания. Лексемы *кусóвник, кусóвница* (ТСГТО, вып. 4, с. 75) и *кусоло́вник, кусоло́вица* (Там же), имеющие значение ‘тот, кто ест на ходу, торопясь, когда попал’, мотивированы диалектными глаголами *кусовничать* и *кусоловничать* – ‘есть на ходу, всухомятку, не дожидаясь определенного времени’. *И за стол не сядете со всеми, все кусоловничаете. Опять кусовничаете, обеда дождитесь!* (КГТО). В то время как в литературном языке номинации человека, нарушающего время приема пищи, отсутствуют, в тверских говорах этот участок семантической сферы оказывается проработанным, что свидетельствует о значимости соблюдения порядка в приеме пищи в региональной языковой картине мира.

При характеристике человека по вкусовым пристрастиям активной проработке подвергается сектор микрополя, репрезентирующий человека, любящего вкусно поесть. Склонность к вкусовым излишествам воспринимается диалектоносителями как нарушение нормы, получая языковую маркированность. 6 лексических единиц (все субстантивы) имеют в тверских говорах значение ‘лакомка, сластена’ – *лакомогу́з, слíза, ули́вень, ули́вник, слябу́н/слябу́нья, соло́ца*.

При характеристике человека по количеству принимаемой пищи высокой номинативной плотностью отличается сегмент микрополя, репрезентирующий человека, который много ест. В то же время обнаруживается лакуна в репрезентации человека, который ест мало. Это может свидетельствовать о том, что в сознании диалектоносителей нарушением нормы яв-

ляется лишь превышение количества потребляемой пищи. 54 лексические единицы (49 субстантивов и 5 адъективов) в тверских говорах имеют значение 'обжора' – *брюхоня, бряхоня, едун, едунья, едоха, едочка, едачка, живоглот, лакала, лакало, лопала, лопя, мамоня, мамон, мешок, мялица, мяло, навалющий, настегай, ненасыть, облоёжа, облопжа, обрюда, обрюта, объёда, оплёта, оплетуха, пендюх, пентюх, пентюшник, прибируха, прибирущий, привалённый, разора, разорва, солущий, стебунина, трескун, убериха, убериха, уберуша, уберюха, уброчивый*.

Лексика этой группы преимущественно негативная, имеет ярко выраженную эмоционально-экспрессивную окраску. Исключением являются лексемы *едоха, едун, едунья, едачка, едочка* – 'тот, кто ест много и с удовольствием' (Селигер, вып. 2, с. 64). Мотивированные стилистически нейтральным глаголом *есть*, они не несут ярко выраженной экспрессии или оценки и чаще используются носителем диалекта по отношению к самому себе. *Какая я едоха, чайку попью и хорошо. Бывает наготовлю много, я-то какая едачка, вдруг кто хороший придет. Ты знаешь, какая я едунья, я плохо ем. Вот батька у меня едун был, горазд есть любил* (Там же).

Обращает внимание асимметричность в соотношении субстантивов (49) и адъективов (5) в данной группе лексем. Подавляющее преобладание субстантивов является показательным, поскольку субстантивация усиливает экспрессию при характеристике качеств человека. «Существительное ставит клеймо, "запечатлевает" человека. Это приговор. Назвать значит обозвать. Прилагательное же характеристика, и она может отрицаться» [1, с. 62].

Выражению экспрессии лексем данной семантической сферы также способствует их прозрачная внутренняя форма. Сквозным мотивом для номинаций человека, который много ест, является мотив вместилца. Данный мотив реализован с помощью соматической метафоры в номинациях, объект которых маркируется по органу пищеварительной системы человека. Различные просторечные и диалектные наименования живота (желудка) человека являются лексическими мотиваторами ряда диалектных номинаций. *Брюхоня*, а также фонетический вариант *брыхоня* от просторечного *брюхо*. *Мамон*, а также вариант *мамоня* от диалектного *мамон*, т. е. 'живот'. *Живот у нас зовется мамон, вот мамон заболел. Во мамон отрастил от хорошей жизни* (Селигер, вып. 3, с. 257). *Пентюшник, пендюх, пендюх* – от диалектного наименования живота *пентюх* (фонетический вариант *пендюх*). *Набил пендюх!* (КГТО).

Актуальным для микрополя является также мотив поглощения, воплощенный в номинациях, мотивированных различными глаголами со значением 'принимать пищу' – литературными и просторечными, диалектными. *Объёда, едун, едоха* – от общепотребительного глагола *есть*. *Лопя, лопала, трескун* от просторечных глаголов со значением 'есть' – *лопать* (МАС, т. 2, с. 200) и *трескать* (Там же, т. 4, с. 406). *Мяло, мялка, мялица, мятюля* – от диалектного глагола *мять*, т. е. 'жевать, есть'. *У меня в детстве привычка такая, сижусь, все что-то жую «Что ты все*

мнёшь? Погодить-то можешь? – мне мама говорила. – Мялка ты» (Селигер, вып. 3, с. 326). *Сё мятюлишь, весь хлеб смятюлил, к ужину не осталось* (СРНГ, вып. 19, с. 93). *Оплетуха, оплёта* от глагола *оплетать* – 'торопливо, много и жадно есть' (Там же, вып. 23, с. 264). *Настегай* – от глагола *настегаться* в значении 'наестся досыта жидкой пищи' (Там же, вып. 20, с. 190), *стебунина* от глагола *стебать*, т. е. 'есть что-л. жидкое, хлебать' (Там же, вып. 41, с. 105). *Убериха, приберуха, уберуша, уберюха* от глагола *убираться* в значении 'есть, съедать все без разбора, без остатка'. *Он за обе щеки убирает* (Там же, вып. 46, с. 122). *Ненасыть* – от *насытиться*, *живоглот* – от *глотать*, *лакала* и фонетический вариант *лакало* – от глагола *лакать*, т. е. 'пить, зачерпывая жидкость языком' (МАС, т. 2, с. 161).

Объект номинации в ряде случаев маркируется по внешнему виду. *Обрюда* и фонематический вариант *обрюта*, помимо значения 'обжора', в тверских говорах имеют значения 'болезненно толстый, обрюзглый' и 'человек с толстым лицом', мотивированные глаголом *обрюзать*, (*обрюзнуть*), т. е. 'опухать, обрюзгнуть'. Этот же мотив реализован в номинации *мешок* – 'обжора' (КГТО), содержащей образную трактовку человека, поглощающего пищу в больших количествах. Основой для метафорического переноса может быть внешнее сходство (набитый мешок) и общая функция (беспорядочное потребление пищи в больших количествах, «как в мешок»). Номинации *облоёжа* и *облопжа*, мотивированные диалектным прилагательным *облый* 'круглый, толстый' (СРНГ, вып. 22, с. 114) и глаголами *есть, лопать*, маркируют человека как по внешнему виду, так и по действию.

Многочисленные лексемы данного сектора лексико-семантического поля образуют зоны пересечения со смежными микрополями, отражая представление о человеке, который ест много, как о нарушителе социальных и этических норм. Так, обжора воспринимается как жадный и завистливый человек. *Облоёжа* – 'тот, кто много ест' *Ест и не наестся, и «аблаежа» говорят. Аблаежа ест много, абжора* (Селигер, вып. 4, с. 173) и 'завистливый человек' (ТСГТО, вып. 4, с. 67). В этой же зоне пересечения находится лексема *прибируха* – 'завистница' (Там же, с. 81) и 'обжора' (Там же).

Пересечение с микрополями, характеризующими человека по умственным способностям, по отношению к труду, по особенностям моторики образуют лексемы *мамоня* – 'обжора' (Там же, с. 14) и 'лентяй, разиня' (КГТО); *пендюх* – 'о человеке, склонном к обжорству' (Там же), 'о ленивом человеке' (ТСГТО, вып. 4, с. 75), 'о глупом, бестолковом, несообразительном человеке' (Там же, с. 75), 'о неуклюжем человеке' (Там же, с. 20).

Пересечение с микрополем, характеризующим человека по моральным качествам, образуют лексемы *лакала* (вариант *лакало*) – 'обжора, дармоед; неблагодарный человек' (ТСГТО, вып. 4, с. 58); *пентюшник* – 'обжора' (Там же, с. 20) и 'неблагодарный человек' (Там же, с. 75).

Таким образом, диалектная лексика исследуемой семантической сферы содержит оценочные и ценностные характеристики, а потому представляет инте-

рес с аксиологической точки зрения. «Аксиологизация отношения к еде не случайна: как известно, прием пищи в народной традиции является далеко не «физиологическим» актом, а жестко регламентирован социальными нормами и традиционными обычаями, нередко становясь составной частью семейных, календарных, хозяйственных и окказиональных обрядов [2, с. 28].

Для диалектоносителей оказывается значимым и получает языковое воплощение слишком медленный или слишком быстрый прием пищи, несоблюдение режима питания или еда не за столом, а «на ходу», пристрастие к лакомствам, превышение количества потребляемой пищи. Эти особенности пищевого поведения человека воспринимаются как нарушение этических и социальных норм. Наибольшему осуждению подвергается человек, который много ест, что находит отражение в тщательной проработанности соответствующего участка семантической сферы и в преобладании экспрессивной лексики с негативной оценкой. В региональной языковой картине мира обнаруживается связь между обжорством и ленью, обжорством и жадностью, обжорством и глупостью, обжорством и неловкостью, обжорством и неблагодарностью. Очевидна социальная ориентированность номинаций, характеризующих человека по отношению к пище. Здесь мы видим тот самый «мерцающий свет» социальной этики, что свидетельствует о том, что при взаимодействии биологических и социальных факторов происходит их преобразование под влиянием социокультурного опыта человека [4, с. 60]. Поведение человека по отношению к основной физиологической потребности осмысливается в социальном аспекте, получая оценку общества с точки зрения соблюдения нравственных норм.

Источники

КГТО – Картоотека говоров Тверской области – хранится в диалектологическом кабинете кафедры русского языка Тверского государственного университета. Тверь, ТвГУ.

МАС – Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. – 3-е изд., стереотип. – Москва: Русский язык; Полиграфресурсы. 1999.

Селигер – Селигер: материалы по русской диалектологии: словарь / под ред. А.С. Герда. – Санкт-Петербург; Тверь, 2003–2017. – Вып. 1–7.

ТСГТО – Тематический словарь говоров Тверской области / под ред. Т.В. Кирилловой. – Тверь: Золотая буква, 2002–2006. – Вып. 1–5.

СРНГ – Словарь русских народных говоров / Рос. акад. наук, Ин-т лингв. исслед. – Вып. 1–50. Ленинград; Санкт-Петербург: Наука, 1965–2018 (издание продолжается).

Литература

1. Арутюнова, Н. Д. Язык и мир человека / Н. Д. Арутюнова. – Москва: Языки русской культуры, 1999. – 896 с.

2. Березович, Е. Л. Язык и традиционная культура. Этнолингвистические исследования / Е. Л. Березович. – Москва: Индрик, 2007. – 600 с.

3. Вендина, Т. И. Антропология диалектного слова / Т. И. Вендина. – Москва; Санкт-Петербург: Нестор-История, 2020. – 684 с.

4. Грибовская, Н. Ю. Микрополе «упрямый» в диалектной языковой картине мира (на материале тверских говоров) / Н. Ю. Грибовская // Вестник ТвГУ. Серия Филология. – 2017. – Вып. 3. – С. 202–207.

5. Грибовская, Н. Ю. Тверская диалектная лексика, характеризующая гордого человека (семантический и мотивационный аспекты) / Н. Ю. Грибовская // Вестник ТвГУ. Серия Филология. – 2018. – Вып. 3. – С. 76–80.

6. Грибовская, Н. Ю. Эстетическая оценка внешности человека в диалектной картине мира (на материале тверских говоров) / Н. Ю. Грибовская // Вестник ТвГУ. Серия Филология. – 2019. – Вып. 3. – С. 87–93.

N.Yu. Gribovskaya PEOPLE'S NAMES BASED ON EATING BEHAVIOUR (ON THE MATERIAL OF THE TVER DIALECTS)

The article makes an attempt to reconstruct a fragment of the regional linguistic picture of the world, which represents a person's attitude to food. The vocabulary of this semantic sphere characterizes a person according to such parameters as a method of food consumption, amount of food taken, taste preferences. Semantic and motivational analysis shows that the peculiarities of eating behavior represented in the language are perceived as a violation of ethical and social norms.

Dialectology, dialects, regional linguistic picture of the world, the image of a person in the language.